

А. С. Пушкин

Собрание сочинений. Том 2

Библиотека великих писателей

П91 **Пушкин А.С.**
Собрание сочинений. Том 2: Библиотека великих писателей / А. С. Пушкин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 688 с.

ISBN 978-5-458-25417-5

Издание сопровождают отдельные этюды о каждом моменте биографии поэта, очерки о его ближайших друзьях и знакомых - Пущине, Кюхельбекере, Александре Тургеневе, Василии Пушкине, Вяземском и других, этюды о литературном влиянии на Пушкина русских и иностранных писателей. Каждое из сколько-нибудь начительных произведений Пушкина снабжено историко-литературным введением. К каждому из небольших стихотворений даются пояснительные примечания прямо параллельно тексту. Здесь нашли место наиболее замечательные из картин, писанных на пушкинские сюжеты - Брюллова, Ге, Репина, Айвазовского, Крамского, Клодта, Микешина, Мясоедова, Васнецова и многих других. Все произведения, в которых действуют исторические лица, иллюстрированы портретами этих лиц, видами местностей, бытовыми деталями и т.д. Издание напечатано особо заказанным шрифтом пушкинского времени, с сохранением авторского правописания. Порядок издания строго-хронологический, составители задавались целью представить ход творчества великого писателя в его последовательном развитии. «Мы хотели бы сделать своего рода Пушкинскую энциклопедию, где должно найти место всё, что служит к уяснению жизни и творчества великого поэта».

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

220. ВСЕ ПРИЗРАКЪ, СУЕТА.

Все призракъ, суета
Все дрянъ и гадость
Стаканъ и красота
Вотъ жизни радость
Любовь и вино
Намъ нужны равно

Безъ нихъ человекъ
Зѣвалъ бы весь вѣкъ.
Къ нимъ лѣнь еще прибавлю
Лѣнь съ ними—заодно
Вино я съ нею славлю
Она мнѣ льетъ вино.

221. ДАВНО-ЛИ ТАЙНЫМИ СУДЬБАМИ.

Давно-ли тайными судьбами
Намъ жизни чаша подана?
Еще для насъ она полна,
Къ ея краямъ, прильнувъ устами,
Мы пьемъ восторги и любовь,
(намъ) надежды, наслаждение,
(Для насъ) всѣ (новы) заблужденья,
Какъ новы

222. Я МАЛО ЖИЛЪ И НАСЛАЖДАЛСЯ МАЛО.

Я мало жилъ, и наслаждался мало...
Но иногда цвѣты веселья рвалъ—
Я жизни видѣлъ лишь начало
(Кто знаетъ)

223. НЕДАВНО ТИХИМЪ ВЕЧЕРКОМЪ.

Недавно тихимъ вечеркомъ
Пришелъ гулять я въ рошу нашу
И тамъ у роши подъ дубкомъ
Увидѣлъ спящую Наташу

224. ЗА СТАРЫЕ ГРѢХИ НАКАЗАННЫЙ СУДЬБОЙ.

За старые грѣхи наказанный судьбой
Я стражду 8 дней съ лекарствами въ желудкѣ
Съ Меркуріемъ въ , съ раскаяньемъ въ раз[сул]кѣ.

225. НО Я НЕ ТОТЪ! МОИ ЗЛАТЫЕ ГОДЫ.

(Кн. А. М. Горчакову. Отрывокъ).

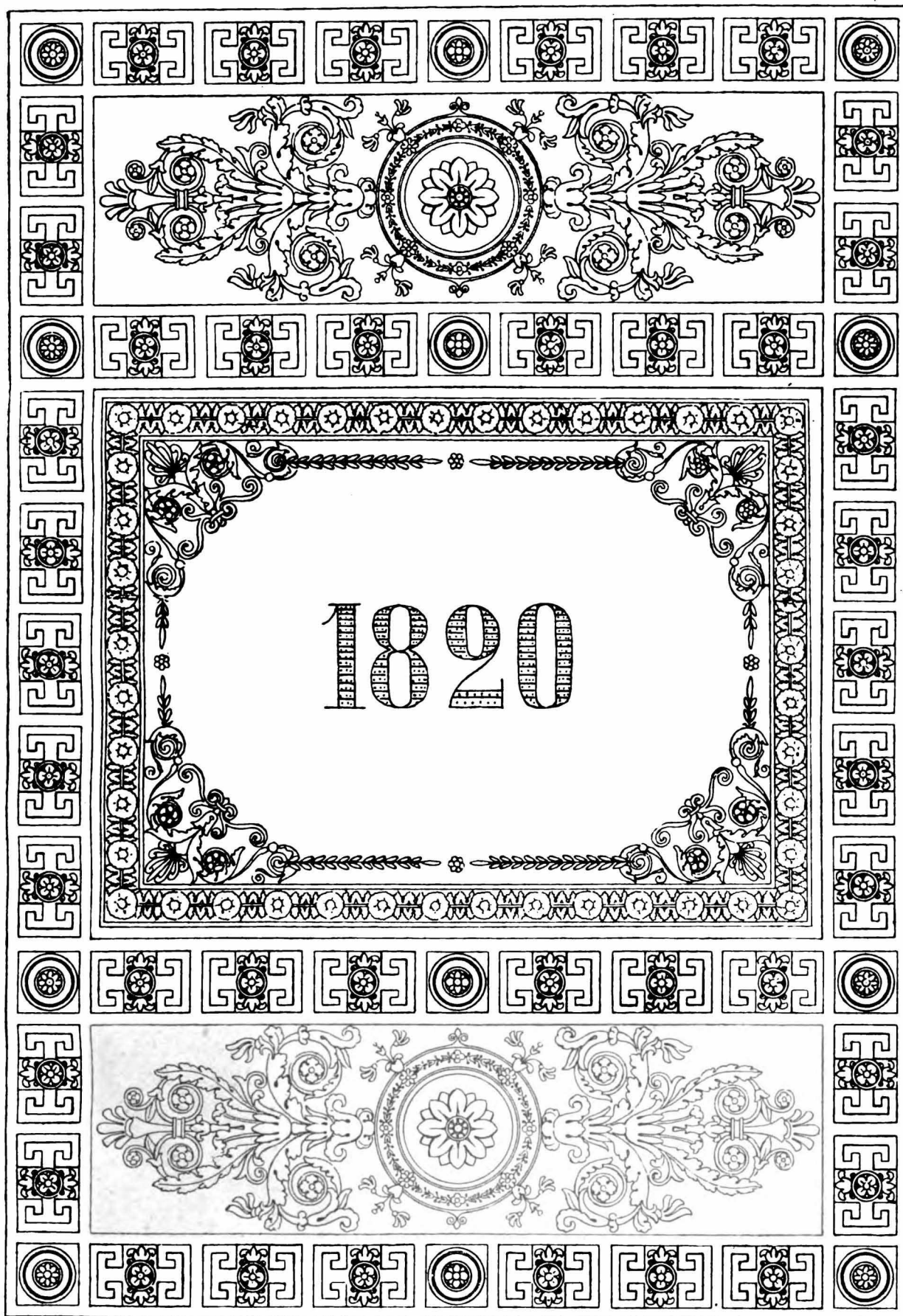
Но я не тотъ! мои златые годы,
 Безумства жаръ, веселость, острота,
 Любовь стиховъ, любовь моей свободы—
 Проходить все, какъ легкая мечта.
 Такъ иногда за чашей ликования
 Найдешь меня, объятаго тоской,
 Задумчивымъ, съ поникшей головой—
 И ты поймешь души моей страданья!...

226. ПОСЛАНИЕ А. И. ТУРГЕНЕВУ.

(начало).

Въ себѣ всѣ блага заключая,
 Ты, наконецъ, къ ключамъ отъ рая
 Привяжешь камергерскій ключъ.

227. ДОРИДЪ.

Я вѣрю: я любимъ; для сердца нужно вѣрить;
 Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить;
 Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ,
 Стыдливость робкая, харитъ безцѣнный даръ,
 Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность
 И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.

228. ДОРИДА.

Въ Доридѣ нравятся и локоны златые
 И блѣдное лице, и очи голубыя.
 Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной,
 Въ ея объятіяхъ я нѣгу пилъ душой;
 Восторги быстрые восторгами смѣнялись,
 Желанья гасли вдругъ и снова разгарались;
 Я таялъ: но среди невѣрной темноты
 Другія милыя мнѣ видѣлись черты,
 И весь я полонъ былъ таинственной печали,
 И имя чуждое уста мои шептали.

229. МНѢ БОЙ ЗНАКОМЪ.

Мнѣ бой знакомъ—люблю я звукъ мечей;
 Отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной Славы,
 Люблю войны кровавыя забавы
 И смерти мысль мила душѣ моей.
 Во цвѣтъ лѣтъ свободы вѣрный воинъ
 Передъ собой кто смерти не видалъ,
 Тотъ полного веселья не вкушалъ
 И милыхъ женъ лобзаній не достоинъ.

230. (ОЛЕНЬКЪ МАССОНЪ).

Ольга, крестница Киприды,
 Ольга, чудо красоты,
 Какже ласки и обиды
 Расточать привыкла ты!
 Поцѣлуемъ сладострастья,
 Соблазнительнаго счастья
 Назначаешь тайный часъ;
 Мы съ горячкою любовной
 Прибѣгаемъ въ часъ условной—
 Въ дверь стучимъ; но въ сотый разъ
 Слышимъ твой коварный шопотъ,

И служанки сонный ропотъ,
 И насмѣшливый отказъ.
 Ради рѣзваго разврата,
 Пріаписическихъ затѣй,
 Ради пѣги, ради злата,
 Ради прелести твоей,
 Ольга, жрица наслажденья,
 Внемли нашъ влюбленный плачъ—
 День восторговъ, день забвенья
 Намъ навѣрное назначъ.

231-232. НА АРАКЧЕЕВА.

I.

Всей Россіи притѣснитель
 Губернаторовъ мучитель,
 И Совѣта онъ учитель,
 А царю—онъ другъ и братъ.
 Полонъ злобы, полонъ мести,
 Безъ ума, безъ чувствъ, безъ чести—
 Кто жъ онъ, «преданный безъ лести»?
 Просто фрунтовой солдатъ.

II.

Холодъ вѣнчанаго солдата
 Благодарю свою судьбу:
 Ты стоишь лавровъ Герострата,
 Иль смерти нѣмца Коцебу;
 А впрочемъ.

ГРАФЪ А. А. АРАКЧЕЕВЪ.
 Съ гравированнаго портрета Уткина.

233. ВЪ ЖИЗНИ МРАЧНОЙ
И ПРЕЗРѢННОЙ.

Въ жизни мрачной и презрѣнной
 Былъ онъ долго погруженъ,
 Долго всѣ концы вселенной
 Осквернялъ развратомъ онъ—
 Но, исправясь понемногу,
 Онъ загладилъ свой позоръ
 И теперь онъ—слава Богу
 Только что картежный воръ.

ГРАФЪ О. И. ТОЛСТОЙ (АМЕРИКАНЕЦЪ).
 Съ портрета Рейделя 1817 г.

234. ПОГАСЛО ДНЕВНОЕ СВѢТИЛО.

Подражаніе Байрону.

Погасло дневное свѣтило;
 На море синее вечерній палъ туманъ.
 Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ.
 Я вижу берегъ отдаленный,
 Земли полуденной волшебные края:
 Съ волненіемъ и тоской туда стремлюся я,
 Воспоминаніемъ упоенный...
 И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь:
 Душа кипитъ и замираетъ;
 Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;
 Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
 И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
 Желаній и надеждъ томительный обманъ...
 Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ.
 Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнымъ
 По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
 Но только не къ брегамъ печальнымъ
 Туманной родины моей,
 Страны, гдѣ пламенемъ страстей
 Впервые чувства разгорались,
 Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
 Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
 Моя потерянная младость,
 Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
 И сердце хладное страданью предала.
 Искатель новыхъ впечатлѣній,
 Я васъ бѣжалъ, отечески края;
 Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
 Минутной младости минутные друзья;
 И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
 Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
 Покоемъ, славою, свободой и душой,
 И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
 Подруги тайныя моей весны златыя,
 И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
 Глубокихъ ранъ любви, ничто не излѣчило...
 Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ...

235. МНѢ ВАСЪ НЕ ЖАЛЬ, ГОДА ВЕСНЫ МОЕЙ.

Мнѣ васъ не жаль, года весны моей,
 Протекшіе въ мечтахъ любви напрасной,
 Мнѣ васъ (не) жаль, о таинства ночей,
 Воспѣтыя цѣвницей сладострастной,
 (Мнѣ васъ не жаль), невѣрные друзья,
 Вѣнки пировъ и чаши круговыя,

Мнѣ васъ не жаль, измѣнницы младыя —
 Задумчивый, забавъ чуждаюсь я.
 Но гдѣ же вы, минуты умиленья,
 Младыхъ надеждъ, сердечной тишины,
 (Гдѣ прежній жаръ) и нѣга вдохновенья?...
 Придите вновь, года моей весны.

ХРАМЪ ДІАНЫ ВЪ ТАВРИДѢ.

Рисунокъ-реконструкція А Шмитца (А. Schmitz),

236. ЧААДАЕВУ.

Съ морскаго берега Тавриды.

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣпой эвмениды:
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На брата руку занесла;
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество

Своимъ созданьемъ возгордилось.

.....
Чадаевъ, помнишь ли бывшее?
Давно ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?
Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь и тишина,
И, въ умиленіи вдохновенномъ,
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена.

237. О ДѢВА-РОЗА, Я ВЪ ОКОВАХЪ.

Подражаніе турецкой пѣснѣ.

О дѣва-роза, я въ оковахъ;
Но не стыжусь твоихъ оковъ:
Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ,
Пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ,

Близъ розы гордой и прекрасной
Въ неволѣ сладостной живетъ
И пѣжно пѣсни ей поетъ
Во мракѣ ночи сладострастной.

238. УВЫ, ЗАЧѢМЪ ОНА БЛИСТАЕТЪ.

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
Минутной, нѣжной красотой?
Она примѣтно увядаетъ
Во цвѣтѣ юности живой...
Увянетъ! Жизнью молодою
Недолго наслаждаться ей;
Недолго радовать собою
Щастливый кругъ семьи своей,
Безпечной, милой остротою
Бесѣды наши оживлять,

И тихой, ясною душою
Страдальца душу улаждать.
Спѣшу, въ волненіи думъ тяжелыхъ,
Сокрывъ уныніе мое,
Наслушаться рѣчей веселыхъ
И наглядѣться на нее.
Смотрю на всѣ ея движенія,
Внимаю каждый звукъ рѣчей,
И мигъ единый разлученія
Ужасенъ для души моей.

239. (НА КАЧЕНОВСКАГО).

Хавроніосъ! ругатель закоснѣлый,
 Во тмѣ, въ пыли, въ презрѣннѣ посѣдѣлый,
 Уймись, дружокъ! къ чему журнальный шумъ
 И пасквилей томительная тупость?
Затѣйникъ зомъ! съ улыбкой скажетъ Глупость;
Невѣжда глумъ! зѣвая скажетъ Умъ.

240. КОГДА-БЪ ПИСАТЬ ТЫ НАЧАЛЪ СДУРУ.

Когда-бъ писать ты началъ сдуру
 Тогдабъ на вѣрно ты пролезъ
 Сквозь нашу тѣсную цензуру
 Какъ вступишь въ царствіе Небесъ.

241. КАКЪ БРАНЬ ТЕБѢ НЕ НАДОБЛА.

Какъ брань тебѣ не надобла?
 Разчетъ коротокъ мой съ тобой:
 Ну, такъ—я празденъ, я безъ дбла,
 А ты бездѣльникъ дбловой.

242. ВІНОГРАДЪ.

Не стану я жалѣть о розахъ,
 Увявшихъ съ легкою весной;
 Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ,
 Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,
 Краса моеѣ долины златной,
 Отрада осени златой,
 Продолговатый и прозрачной,
 Какъ персты дѣвы молодой.

243. ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
Принесъ я въ даръ тебѣ двѣ розы.
Люблю немолчный говоръ твой
И поэтическія слѣзы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропитъ росой холодной:
Ахъ, лейся, лейся, ключъ отрадной!
Журчи, журчи свою мнѣ боль...

Фонтанъ любви, фонтанъ печальной!
И я твой мраморъ вопрошалъ:
Хвалу странѣ прочелъ я дальной,
Но о Маріи ты молчалъ...

Свѣтило блѣдное гарема!
И здѣсь уже ль забвенно ты?
Или Марія и Зарема
Однѣ счастливыя мечты?

Иль только сонъ воображенья
Въ пустынной мглѣ нарисовалъ
Свои минутныя видѣнья,
Души неясный идеалъ?

Пушкинъ у Бахчисарайскаго фонтана.

Рисунокъ В. Я. Суреньянца.

244. ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

Гроза луны, свободы воинъ,
Покрытый кровію святой,
Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей и славы былъ достоинъ.
Тебя младенца онъ ласкалъ
На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой былъ кинжалъ
Братоубійствомъ изощренной.
Какъ часто, возбудивъ свирѣпой мести жаръ,
Онъ молча падъ твоей невинной колыбелью
Убійства новаго обдумывалъ ударъ
И лепетъ твой внималъ, и не былъ чуждъ веселью!
Таковъ былъ: сумрачный, ужасный до конца.
Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца
Смиреной жизнію предъ небомъ искупила:
Съ могилы грозной къ небесамъ
Она, какъ сладкій ѳиміамъ,
Какъ чистая любви молитва восходила.

245. ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

Молдавская пѣсня.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую Гречанку я страстно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала меня;
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей:
Ко мнѣ поступался презрѣнный Еврей.

Съ тобою пируютъ (шепнулъ онъ) друзья;
Тебѣ жъ измѣнила Гречанка твоя.

Я далъ ему злата и проклялъ его,
И вѣрнаго позвалъ раба моего.

Мы вышли: я мчался на быстромъ конѣ,
И кроткая жалость молчала во мнѣ.

Едва я завидѣлъ Гречанки порогъ;
Глаза потемнѣли, я весь изнемогъ...

Въ покой отдаленный вхожу я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзалъ Армянинъ.

Не взвидѣлъ я свѣта: булатъ загремѣлъ...
Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ.

Безглавое тѣло я долго топталъ,
И молча на дѣву, блѣднѣя, взиралъ.

Я помню моленья, текущую кровь...
Погибла Гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мертвой снявъ черную шаль,
Отеръ я безмолвно кровавую сталь.

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ Дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.

Съ тѣхъ поръ не дѣлую прелестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.